

Р. В. Иезуитова

ЖУКОВСКИЙ
И ЕГО
ВРЕМЯ

Дорогой Фаине Зиновьевне
Кануновой

с глубоким уважением
и сердечными
пожеланиями
от автора.

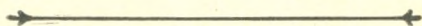
12. II. 90 Р. Мз -

В. А. Жуковский. Портрет работы К. П. Брюллова. 1838 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

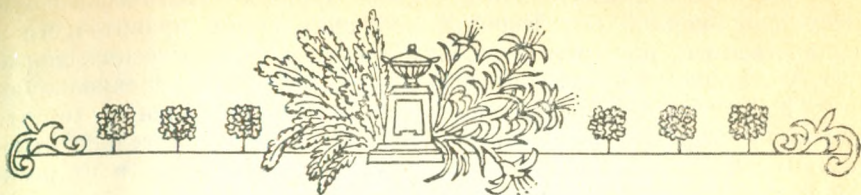
Р. В. Иезуитова

ЖУКОВСКИЙ И ЕГО ВРЕМЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

ВВЕДЕНИЕ

В. А. Жуковскому выпала во многих отношениях счастливая судьба. Он жил и творил в эпоху, богатую событиями всемирно-исторического значения. Поэт родился в 1783 г., в преддверии Великой Французской революции, круто переменившей ход самой истории. Пройдя длительный, отмеченный высокими творческими устремлениями и замечательными успехами, но по-своему нелегкий жизненный путь, Жуковский умер в 1852 г., уже после того, как в Европе отгремели буржуазные революции 1848 г. Хронологические рамки, в которые оказалась заключенной жизнь поэта, были временем окончательного крушения старого феодального мира под ударами революционных и национально-освободительных движений в Европе и в Америке.

Годы молодости Жуковского совпали не только с «дней Александровых» «прекрасным началом», но и с теми великими испытаниями и громкими победами, которые принесли России Отечественная война 1812 г. и заграничные походы 1813—1815 гг., сокрушившие наполеоновскую империю. Ратником народного ополчения Жуковский начал боевую кампанию героической осени двенадцатого года и закончил ее прославленным русским Тиртеем, «певцом во стане русских воинов», имя которого прогремело по всей России.

Жуковскому выпало стать не только современником и очевидцем декабрьских событий 1825 г., но и одним из активнейших участников широкого общественного движения в защиту «жертв 14 декабря».

Противник «рабства» крестьян в России, он не мог не знать о восстаниях в новгородских и чугуевских военных поселениях, о холерных бунтах 1831 г. Не сочувствуя новой «пугачевщине», он заботился о нуждах русского крестьянина, о его просвещении, желал ему благоденствия. Оторванный от родины в последнее десятилетие своей жизни, Жуковский не переставал жить ее интересами. Вот характерная для него дневниковая запись (1846 г.), сделанная после общения с одним из соотечественников: «Разговор, приводящий в трепет о состоянии бедной России и помощи никакой».¹

¹ Дневники В. А. Жуковского. СПб., 1903. С. 535.

Он пытливо и внимательно следил за бурным политическим развитием современной ему Европы, наблюдал смену правительств и государственных режимов. Участник яростных политических споров в кругу литераторов пушкинского круга, известных радикализмом своих взглядов, Жуковский внимательно всматривался в то, что приносили странам революции и перевороты. Отрицательно относясь к методам революционного насилия, он был далек и от реакционно-охранительного, верноподданнического взгляда на июльскую революцию 1831 г. во Франции и на другие национальные движения 1820—1830-х годов. В оценке польского восстания 1831 г. Жуковский отдал дань монархическим иллюзиям, царившим среди людей его круга, но в своих программных стихах вместе с Пушкиным он выступал против экспансионистских устремлений европейских держав по отношению к славянскому миру, стремившихся использовать польское восстание для ослабления влияния России и вмешательства в ее внутренние дела.

Жуковский был подлинным сыном своего времени, жил его заблуждениями и надеждами, его радостями и бедами.

Разумеется, и в творческом наследии Жуковского, как и во всяком исторически обусловленном явлении, далеко не все выдержало испытание временем и может быть ныне безоговорочно принято нами. Его упования на «лучший мир», где душа обретает гармонию и справедливость, вера в просвещенную монархию, в мирные, реформистские пути преобразования страны, как и некоторые другие «заблуждения», ошибки и колебания, свидетельствуют об известной исторической ограниченности его взглядов. Но как всякий исторический деятель (в том числе и писатель), он оценивается нами по тому реальному вкладу, который он внес в развитие общественного прогресса всей страны. Вклад этот, несмотря на историческую ограниченность Жуковского, был связан с формированием национального культурного наследия, в чем и состоит главная историческая заслуга этого замечательного поэта. Жуковский отчетливо понимал, что живет в кризисную, переходную эпоху, когда прежние, сложившиеся столетиями и казавшиеся незыблемыми устои дали первые трещины и предстоят новые и уже необратимые перемены. Он не столько пытался дать собственные ответы на острые и болезненные вопросы, поставленные временем, сколько стремился защитить человека, попавшего в трагическую зависимость от царящей в мире неправды, помочь ему обрести устойчивое равновесие в колеблющемся и зыбком пространстве жизни современной, чреватой новыми потрясениями и социальными катаклизмами.

До недавнего времени имело самое широкое распространение в нашей научной и научно-популярной литературе представление о Жуковском как об оторванном от жизни идеалисте-мечтателе, проживающем «на островах блаженных в ожидании будущего, которое осуществило бы идеалы его прошлого».² Однако это представле-

² Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С. XII.

ние опровергается всей жизнью Жуковского, тем, что мы знаем о ней теперь и что открылось современному читателю в исследовании последних лет.³

Жуковский чутко прислушивался к ритмам эпохи, не отгораживаясь от «существенности» (как называл он реальную жизнь) и не считал, что поэзия, служению которой он посвятил себя, есть нечто, от жизни отличное или стоящее над ней. «Жизнь и поэзия одно» — эта излюбленная лирическая формула, варьируемая на множество ладов в его письмах, дневниках и стихах, была нравственно-эстетическим кредо Жуковского, подлинным символом его веры. И в этом отношении Жуковский — предтеча не только своего гениального ученика Пушкина, но и всей русской поэзии XIX в. (а лирики в особенности), подлинный родоначальник «истинно человеческой поэзии на Руси» (В. Соловьев).

В ранние годы, еще задолго до того, как поэзия Жуковского приобрела широкое, повсеместное признание, в тиши своего уединения он размышлял о необходимости каждого истинного художника соответствовать «духу своего времени». Он писал о «нетворческих», рабских подражаниях великим поэтам прошлого: «То, что прилично Горацию, прилично ли нашему времени? Дух поэта и дух его времени!».⁴ Он стремился, чтобы его соприкосновения с богатейшей сокровищницей мировой культуры были не только веками его собственного становления, но и художественно значимыми моментами духовной жизни всей страны, всего народа, прогрессивное развитие которого он не мыслил вне связи с богатейшим культурным опытом, выработанным человечеством.

Жуковский был не просто широко образованным человеком, владевшим богатейшей сокровищницей знаний по истории мировой культуры, но и европейски мыслящим человеком в точном и полном смысле этого слова: знал европейскую жизнь, с которой тесно соприкоснулся во время своих многочисленных заграничных путешествий, общался со многими видными политиками и культурными деятелями Европы, один перечень имен которых мог бы занять целые страницы. Вместе с тем — и это следует особо подчеркнуть — Жуковский вовсе не чуждался русской жизни и не был (как об этом все еще пишут некоторые современные исследователи) культурным деятелем исключительно западной ориентации.

Яркий, остроумный собеседник, Жуковский в полной мере владел искусством интеллектуального общения, которое вырабатывалось у него в течение всей жизни, прожитой в обществе людей блестяще образованных и одаренных, игравших заметную роль в самых различных сферах духовной жизни эпохи. Он был участником увлекательных и острых диспутов с журналистами и публицистами, учеными и педагогами, политическими деятелями самого различного

³ См.: *Афанасьев В. Жуковский*. М., 1986 (серия: ЖЗЛ); *Власов В. А., Назаренко И. И.* «Минувших дней очарование». Тула, 1979. См., например, также: *Иезуитова Р. В.* Жуковский в Петербурге. Л., 1976.

⁴ *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Пг., 1916. Вып. 2. С. 249.

толка (либералами и консерваторами, радикалами и реакционерами).

В дневниковых записях Жуковского, этой своеобразной летописи умственной жизни его времени, остались следы его разговоров и бесед с Гете и Гумбольдтом, Ансильоном и Лагарпом, Тиком и Ламот-Фуке, с умнейшими людьми России (Карамзиным и Ростопчиным, Сперанским и Тютчевым), с выдающимися политиками, уже сыгравшими или играющими свою роль в европейских делах (Меттернихом, Пальмшерном, Мюллером), а также с теми, кому предстояло участвовать в будущих дипломатических схватках (А. М. Горчаковым, например).

Жуковский знал и любил людей искусства. Он был тонким и образованным ценителем классической музыки, видел многие лучшие оперные постановки в театрах Берлина и Парижа, Лондона и Милана. Обладая несомненными способностями к рисованию и живописи, Жуковский не только оставил обширное графическое наследие (к сожалению, все еще недостаточно оцененное), но и свободно и естественно «вписался» в художественно-артистическую среду: дружил со многими русскими и европейскими художниками (К. Фридрихом, Е. Рейтерном и многими другими), охотно посещал их в Петербурге и Москве, Риме и Берлине. Он запросто бывал у знаменитого скульптора Торвальдсена в его римской мастерской, в мастерских русских художников, подолгу живших в Риме (О. Кипренского, К. Брюллова, А. Иванова и др.).

Знаток драматического театра, Жуковский был завсегдатаем театральных спектаклей в Петербурге, Москве, знал знаменитых европейских актеров (Жорж, Девриена и Марс), писал о них как профессиональный театральный критик, беседовал с ними об искусстве.

Жуковский формировался в эпоху, когда межнациональные связи становились все более отчетливыми и ощутимыми, когда рушились старые империи и на их обломках возникали государства с новой общественно-экономической структурой, менялись государственные границы, образовывались немыслимые ранее политические союзы и коалиции. В этих условиях преодолевалась прежняя национальная замкнутость и естественно возрастала роль международных контактов, усиливалась тяга народов к общению друг с другом, к обмену разнообразными духовными и культурными ценностями. Жуковский не мог оставаться в стороне от этих процессов, свойственных его времени, хотя и чуждался тех крайностей, которыми они сопровождались. Он — и это далеко не случайно — не примкнул к формирующемуся в России западничеству, но не принял и славянофильские концепции, получившие уже в 1830-е годы широкое распространение в близкой ему литературно-общественной среде. Характерно, что в дневнике поэта имеются записи о «спорах» с И. В. Киреевским, который (о чем следует напомнить) был его единомышленником во многих отношениях, ибо детские годы главы русского славянофильства прошли вблизи Жуковского, родственника его по материнской линии. Но Жуковский спорит и с другим выдающимся

идеологом своего времени — Чаадаевым, «Философические письма» которого выразили западнические идеи и настроения и стали заметным явлением в истории русской общественно-философской мысли. Самостоятельность позиции, выработанной в ходе наблюдения над всем происходящим в мире, подкрепленной чтением исторических и философских трудов, в сочетании с умением Жуковского по-своему понять то новое, что несла современность, и критически оценить темные стороны нынешней жизни не только русской, но и европейской, — все это, не находившее подчас выхода в его творчестве, обнаруживалось в живом общении и получало отражение в письмах, исповедальных записях его дневника. Любопытна с этой точки зрения запись Жуковского о «споре со Стендалем» (о содержательной стороне этого спора можно только догадываться), причем показательно именно «несогласие» русского поэта с какими-то, надо полагать необычными, суждениями блистательного французского писателя и публициста, еще мало тогда знакомого в России.

Жизнь Жуковского, увиденная сквозь призму живого человеческого общения, предстает более значительной и яркой, чем мы привыкли видеть ее.

Можно сказать, что в этом отношении Жуковский был подлинным баловнем судьбы: она свела его со многими выдающимися историческими лицами. В детские годы он видел, например, Суворова незадолго до знаменитого итальянского похода, ставшего первой схваткой двух гигантов — Наполеона и выдающегося русского полководца. Во время Отечественной войны 1812 г. Жуковский служил при Главном штабе русской армии, чуть ли не ежедневно наблюдал Кутузова, выполнял его распоряжения по военной типографии Главного штаба. В этом постоянном общении Жуковский смог ближе узнать великого полководца, которому он тогда же, осенью 1812 г., посвятил стихи под знаменательным названием «Вождю победителей». Жуковский близко знал и ценил А. П. Ермолова, общался с М. А. Милорадовичем, был дружен с Д. В. Давыдовым и другими прославленными военачальниками Отечественной войны 1812 г.

Особое место в жизни Жуковского занимают его литературные отношения — предмет нашего пристального внимания. Нет, думается, особой необходимости приводить имена тех, с кем была связана литературная деятельность Жуковского. И все же будет не лишним напомнить, что ни один из участников русской, а в ряде случаев и европейской общественно-литературной жизни (в большей или меньшей степени себя в ней проявивший), не остался вне поля зрения Жуковского. Его дневники и письма буквально испещрены десятками великих и малых литературных имен.

Жуковский выступил в печати на рубеже веков, застав пышный закат русского классицизма, воздействия которого он не мог избежать. Свои первые поэтические «уроки» совсем еще юный поэт брал у его корифеев: Ломоносова, Хераскова, Державина. Но уже в самом начале своего творческого пути Жуковский оказался в состоянии усвоить и понять и то новое, что нес русской литературе сен-

тиментализм; возглавлявшие его Карамзин и Дмитриев остались для Жуковского неизменными литературными наставниками и единомышленниками, к помощи и совету которых он будет постоянно прибегать в трудные, кризисные моменты своей жизни.

«Как писатель, — считал необходимым заявить Жуковский, — я был учеником Карамзина; те, кои начали писать после меня, называли себя моими учениками, и между ними Пушкин по таланту и искусству превзошел своего учителя».⁵ В этом исполненном благородства и проникательности высказывании четко определено место Жуковского в литературе его времени. В самых разнообразных своих выражениях его творчество выполнило роль связующего звена между «условно-риторической поэзией» державинской эпохи и «истинно человеческой» поэзией пушкинской поры. Оно вобрало в себя многие вершинные достижения эпохи Просвещения и вместе с тем открыло новую, романтическую страницу поэзии нового времени.

По образному определению Белинского, именно романтизм был первым словом, огласившим пушкинский период русской литературы. Его утверждение критик далеко не случайно связывал прежде всего с деятельностью Жуковского, неоднократно подчеркивая, что этот поэт «ввел в русскую поэзию романтизм» и что «истинным романтиком русским был совсем не Пушкин (как об этом кричали лет двадцать), а Жуковский».⁶ И хотя Белинский подробнейшим образом обосновал в «Статье второй» пушкинского цикла свое понимание специфики романтизма как искусства, обращенного к сфере внутренней, духовной жизни человека, и определил особенный характер романтизма Жуковского (назвав его романтиком «в духе средних веков»), вопрос о правомерности «зачисления» последнего в романтики продолжал долгие годы оставаться предметом острых споров и научных дискуссий.

С обоснованием принципиально иного подхода к оценке литературной деятельности Жуковского выступил еще в конце 1890-х — начале 1900-х годов академик А. Н. Веселовский, подчеркнувший в предисловии к своей большой монографии о Жуковском, что «он долго был и оставался поэтом кружка, вышедшего из карамзинской школы, — тургеневского, поддевического, арзамасского».⁷ Книга Веселовского, основанная на богатейшем и впервые вводимом в научный оборот документальном материале, явилась большим событием общественно-культурной жизни тех лет, что было отмечено, в частности, в рецензии на нее А. Блока. Она во многом способствовала снятию с облика поэта хрестоматийного глянца, наведенного на Жуковского дореволюционными биографами официально-монархического толка. Однако Веселовский стремился в своей книге не столько к раскрытию неповторимого своеобразия личности поэта

⁵ Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. А. С. Архангельского. СПб., 1902. Т. 12. С. 19.

⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 143.

⁷ Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». С. XI.

(опасаясь быть обвиненным «в лицепритии» к нему), сколько к выявлению в его жизни и характере особенностей определенного «общественно-психологического типа», сложившегося в России в переходную историческую эпоху. Подобная общая установка не могла не сузить его восприятия творчества Жуковского, проанализированного в книге под строго определенным углом зрения. Исследователь принимал во внимание лишь те мотивы, идеи и образы поэзии Жуковского, в которых обнаруживалась устойчивая общность этических норм и эстетических устремлений, свойственных этому типу сознания. Все, выходящее за рамки этой концепции, объявлялось случайным, неорганичным для Жуковского. Методологический подход исследователя к решению проблемы романтизма формулируется следующим образом: «Именно понятия теории, школы надо держаться, чтобы найтись методически и исторически в значениях, безразлично соединяемых со словом романтизм». «Для Жуковского, романтика и германофила», заявляет Веселовский, «должна идти в счет» лишь немецкая литературная школа, «которая, сплотившись на границе двух столетий, поспешила оправдать себя теорией и назвала себя романтической».⁸ В заключительных разделах своей книги автор соотнес творчество Жуковского с эстетическими установками немецкой (иенской) романтической школы, обнаружил точки соприкосновения в понимании задач поэтического творчества, в использовании сходных тем и мотивов, но выявил и весьма существенные различия, которые и дали ему основание отрицательно ответить на поставленный во введении вопрос о возможности зачисления Жуковского в ряды романтиков, а главное — еще раз подтвердить основной тезис исследования о субъективно-психологическом по преимуществу, сентиментально-меланхолическом характере его творчества.

Концепция Веселовского, утвержденная высоким научным авторитетом исследователя, встретила сочувствие и была принята «на вооружение» целым рядом советских литературоведов. Вслед за Веселовским «о неорганическом, поверхностном характере» «романтических связей» Жуковского писала Л. Я. Гинзбург: «В тот момент, когда в России начались горячие толки и споры о романтизме, когда эта проблема стала актуальной (начало 20-х годов), Жуковский в основном уже завершал свое поприще лирического поэта».⁹ По мнению исследовательницы, «Жуковский, поэт сложный и многоплановый», не укладывается полностью в рамки «школы гармонической точности» (основанной им и Батюшковым), но, перерастая их, он все же «недотягивает» и до настоящего романтизма, каковым является русский романтизм 1820-х годов.

Попытку рассмотреть Жуковского как одного из представителей русского предромантизма делает А. В. Архипова, считающая 1800—1810-е годы периодом предромантическим по преимуществу, так как в литературе этих лет нет таких характернейших признаков

⁸ Там же. С. 2.

⁹ Гинзбург Лидия. О лирике. 2-е изд., доп. Л., 1974. С. 28.

романтизма, как «индивидуализм, мировая скорбь, идеализация патриархальных устоев».¹⁰

Итак, сентименталист карамзинского толка, поэт школы «гармонической точности», предромантик. В последнее время заметна и тенденция сближения Жуковского с классицизмом. Еще Ц. С. Вольпе писал о рационализме как об отличительной особенности эстетических воззрений поэта и указывал на использование в его гражданской лирике традиций русской оды XVIII в. Правда, исследователь не делал из этих своих наблюдений далеко идущих выводов, ограничивал их областью литературной преемственности. Современные исследователи считают возможным писать о сосуществовании в пределах одной художественной системы двух и даже трех творческих методов (классицизма, сентиментализма, романтизма) и соответствующих им жанрово-стилистических манер. С подобной точкой зрения трудно согласиться, в особенности когда речь идет о таком крупном и самостоятельном поэте, как Жуковский. Методологический просчет сторонников неромантического (или осложненного сентиментализмом и классицизмом) пути творческого развития Жуковского состоит в стремлении выработать чисто умозрительным путем универсальную модель романтизма «вообще» и соотносить ее с индивидуальными особенностями Жуковского-поэта. Н. А. Гуляев справедливо критикует тех исследователей, которые, опираясь на подобную «универсальную модель „идеального романтизма“», выводят за пределы «романтического» направления всех тех, кто не соответствует ее параметрам».¹¹ Е. А. Маймин также указывает, что проблема романтизма Жуковского «во многих отношениях спорной и нерешенной остается до сих пор». «Кто он? — спрашивает автор. — Романтик или представитель сентиментального направления? А может быть, судя по иным его произведениям, он продолжатель традиции классицизма? Вопросы эти отнюдь не праздные, они имеют под собой серьезные основания. Они свидетельствуют о неоднородности Жуковского, о сложном генезисе его творчества».¹²

Для убедительного ответа на эти вопросы необходимо вернуться к анализу творческого пути поэта в широком контексте общественно-литературного движения его времени. Именно этим путем идет большинство современных советских исследователей творчества Жуковского: авторы очерков о нем в общих курсах истории русской литературы,¹³ учебных пособий по русскому романтизму,¹⁴ специаль-

¹⁰ Архипова А. В. О русском предромантизме // Русская литература. 1978. № 1. С. 24.

¹¹ Русский романтизм / Под ред. проф. Н. А. Гуляева. М., 1974. С. 61.

¹² Маймин Е. А. О русском романтизме. М., 1975. С. 25.

¹³ См.: Шаталов С. Е. Романтизм Жуковского // История романтизма в русской литературе: Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790—1825). М., 1979. С. 110—162. См. также главу «Жуковский» в кн.: История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму. С. 104—134.

¹⁴ Кроме указанных выше см. также: Гуревич А. М. Романтизм в русской литературе. М., 1980. С. 17—27.

ных монографий о нем,¹⁵ вступительных статей к собраниям его сочинений и сборникам стихотворений и баллад¹⁶ и т. п. Однако многое в этом отношении еще предстоит сделать.

В настоящее время наука о Жуковском, несомненно, переживает свой расцвет. Отрадно заметить, что усиливающийся с каждым годом поток литературы о нем выражает прежде всего внутренние потребности нашей литературоведческой науки в углубленном исследовании переломных эпох и сложных, неоднозначных явлений русской культуры в широком смысле и литературы как важнейшей ее области, что свидетельствует о коренных сдвигах и в самых принципах научного исследования, и в способности современного литературоведения создать убедительные, объективные и целостные концепции русского литературного процесса.

Вместе с тем при изучении творчества поэта как живого и развивающегося явления литературы сейчас особенно остро ощущается недостаток фундаментальных исследований. Наука о Жуковском слишком долго вращалась в кругу привычных суждений, известных сведений о его жизни, слабо разрабатывала документальные основы его биографии, мало исследовала фонд творческих рукописей поэта, избегала касаться сложных моментов его общественной и творческой судьбы. Все это стало особенно очевидным после появления в печати работ томских исследователей, предпринявших широкое фронтальное исследование творчества поэта в связи с изучением хранящейся в Томском университете основной части библиотеки Жуковского с ее богатейшими маргиналиями и записями творческого характера. В поле зрения исследователей — обширное, в том числе и рукописное, наследие поэта (хранящееся в фондах ряда крупнейших архивов Ленинграда и Москвы). Выход в свет трех томов коллективной монографии «Библиотека В. А. Жуковского в Томске» (Томск, 1978—1988)¹⁷ и печатного каталога «Библиотека В. А. Жуковского (описание)» (Томск, 1981), составленного В. В. Лобановым, стал важнейшей вехой в изучении творчества поэта. Томские исследователи (Ф. З. Канунова, А. С. Янушкевич, Н. Б. Реморова, О. Б. Лебедева, Э. М. Жиликова и др.) внесли существенный вклад

¹⁵ См.: Семенко И. М. 1) Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975; 2) Поэты пушкинской поры. М., 1970. С. 58—94.

¹⁶ См. статью И. М. Семенко, дающую новое освещение важным, этапным моментам творческой эволюции Жуковского, в кн.: Жуковский В. А. Соч.: В 3 т. М., 1980. Т. 1. С. 5—39.

¹⁷ Подробнее о характере этой монографии, о содержащихся в ней новых материалах см.: Янушкевич А. С. Библиотека В. А. Жуковского в Томске // Вопросы литературы. 1977. № 6. С. 309—314; Куприянова Е. Н. Библиотека В. А. Жуковского в Томске // Научные доклады высшей школы. 1980. № 5. С. 88—90. См. также рецензию, в которой дается развернутая оценка вклада томских исследователей в разработку таких важнейших проблем, как «Жуковский и русская литература», «Жуковский и западноевропейская литература», «Вопросы мировоззрения Жуковского», и отмечается, в частности, что для участников этого труда характерно стремление «перевести решение всего сложного комплекса этих проблем из сферы умозрительных споров в область научного суждения, основанного на прочном фундаменте фактов» (Русская литература. 1981. № 2. С. 216).

в разработку главных направлений в изучении Жуковского, в том числе и в определение сущности его романтизма.

Книга А. С. Янушкевича «Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского» (Томск, 1985) — первая в советской науке попытка представить романтизм Жуковского как единую, внутренне целостную и вместе с тем динамическую систему, в рамках которой автор рассматривает и жанрово-эстетическую эволюцию первого русского романтика. Оригинальная по замыслу работа Янушкевича насыщена новыми архивными материалами, дающими совершенно неожиданное освещение таким, казалось бы, «решенным» вопросам, как эстетическая позиция Жуковского, его творческий метод, связь этических представлений поэта с его жанровыми поисками и т. п., а также намечает существенно новые подходы к оценке «позднего Жуковского», разрушая миф о чуждости поэта общим тенденциям развития русской литературы в послепушкинскую эпоху.

Внимание современных исследователей к проблеме художественного метода Жуковского объясняется не только сложностью и неоднозначностью его эстетической позиции, но и тем значением, которое приобрел романтизм в его время. Первая половина XIX в. была поистине эпохой романтизма: он задавал основной «тон» в литературе и искусстве, определял собою обширнейшую область духовной жизни этой поры, активно влиял на сферу политики и этики. Романтизм проникал в историческую науку и философию, публицистику и политику, оказывал мощное воздействие на развитие индивидуального сознания, диктовал свои нормы общественного и личного поведения. Утверждение романтизма сопровождалось острой идейной борьбой, ожесточенными полемическими схватками.

Жуковский, естественно, не мог оставаться в стороне от тех духовных устремлений, которыми жили его современники. Писать о Жуковском и его времени — значит прежде всего размышлять об отношении поэта к романтизму. Этому посвящена первая глава настоящей книги, названная «Жуковский и романтизм». Такая постановка вопроса, на наш взгляд, позволяет отказаться от заранее постулированного тезиса об изначально присущем Жуковскому романтизме, нередко рассматриваемом и как исходная точка и одновременно как конечный итог его творческой эволюции. Необходимо учитывать, что Жуковский формировался как литературный деятель в ту пору, когда романтизм лишь пробивал свой путь среди чуждых ему литературно-художественных течений и направлений; поэт рос в атмосфере романтизма утверждающегося, на раннем этапе его развития. Романтизм далеко не сразу и не в полном своем объеме охватил все стороны и грани творческой деятельности Жуковского. Многие жанры не только его прозы, в которой романтический элемент гораздо менее ощутим, чем в поэзии, но и его ранние стихотворные опыты несли в себе элементы иной художественной системы и лишь постепенно обретали свое романтическое качество. Становление романтической художественной системы Жуковского — подвижный, диалектический процесс, не поддающийся жесткой схематизации и требующий внимания к детали, единичному факту.

Сложную динамику этого процесса необходимо иметь в виду не только при обращении к его творчеству в целом, но и к отдельным его произведениям, жанрам, к тем или иным проявлениям его многогранной творческой личности.

Детальное рассмотрение процесса формирования Жуковского-романтика (во всех его звеньях и на всем протяжении творческого пути поэта) не входило в общий замысел настоящей работы, посвященной иной, более широкой и общей теме. Автор ставил перед собой другую цель — исследовать некоторые (с его точки зрения, наиболее существенные) стороны литературной деятельности Жуковского в контексте общественно-политической и литературной жизни его времени, в живой их связи с богатым историческим и культурным содержанием его эпохи, ставившей перед художниками разнообразные и сложные социальные и нравственные проблемы и эстетические задачи.

Романтизм Жуковского, вырастая на общеевропейской почве, был вместе с тем явлением национально-русского художественного сознания, отразившего специфические социально-исторические условия России первой половины XIX в. Отсюда внимание к исторической действительности этой поры, а также к тем глубинным национальным истокам, которые питали новаторские устремления Жуковского-поэта, опиравшегося на лучшие традиции не только европейской, но и отечественной литературы. Поэтому второй раздел первой главы книги посвящен роли традиций XVIII в. в становлении Жуковского-романтика.

В соответствии с общим замыслом своей работы автор ограничился постановкой ряда самостоятельных, хотя и связанных между собою проблем, в которых проявляются наиболее характерные признаки романтизма Жуковского: его жанрово-стилистическое новаторство, своеобразие понимания им народности и историзма, оригинальная трактовка существенной для эстетики романтизма категории «чудесного» и т. п.

Преимущественное внимание (и это является одним из основных принципов, последовательно проведенных через всю работу) уделено проблемам либо вовсе не поставленным в нашем литературоведении, либо получившим в нем одностороннее, неверное или противоречивое истолкование. К числу последних, несомненно, принадлежит история взаимоотношений Жуковского с декабризмом, как с широким идеологическим и общественно-политическим движением, так и с отдельными его участниками.

Тема «Жуковский и декабристы» имеет свою давнюю и прочную традицию. Представляется далеко не случайным обращение к этой теме известнейшего из историков декабризма академика Н. Ф. Дубровина, напечатавшего в 1902 г. в журнале «Русская старина» свою статью «Василий Андреевич Жуковский и его отношение к декабристам».¹⁸ Можно сказать с уверенностью, что именно эта статья

¹⁸ Дубовин Н. Ф. В. А. Жуковский и его отношение к декабристам // Русская старина. 1902. № 4. С. 45—119.

(научное значение которой не утрачено и по сей день) положила начало изучению взаимоотношений Жуковского и декабристов не только в личном биографическом плане (такого рода материалы появлялись в дореволюционной печати и ранее),¹⁹ но прежде всего со стороны оценки их общественных позиций, объясняющих характер этих взаимоотношений. В дальнейшем изучение этого вопроса было продолжено и в работах советского времени, тем более что после Октября исследователям гораздо в большей степени оказались доступными секретные архивные материалы. В связи со столетием со дня восстания декабристов имя Жуковского снова оказалось в поле зрения историков декабризма (работы Е. И. Тарасова и Б. Л. Модзалевского,²⁰ посвященные взаимоотношениям Жуковского с братьями Тургеневыми, главным образом с Николаем Тургеневым). Далее, после весьма значительного перерыва (вызванного утвердившимся в литературоведении взглядом на Жуковского как безусловного противника декабристов),²¹ новое оживление в данной области литературоведения принесли работы М. И. Гиллельсона, а также томских исследователей в коллективной монографии «Библиотека А. В. Жуковского в Томске». Ряд публикаций документальных материалов, связанных с декабристской темой, вызвал и 200-летний юбилей Жуковского. В общем потоке юбилейной литературы появились документальные материалы о взаимоотношениях Жуковского с фон-дер Бриггеном, Н. И. Тургеневым, сосланными в Сибирь «курганскими» и «елуторовскими» декабристами.²² Однако до сих пор мы не располагаем работой, сводящей воедино все эти разновременные и разнохарактерные материалы и определяющей место Жуковского в общем процессе литературного развития первой трети

¹⁹ Назовем прежде всего ценную в этом плане публикацию П. И. Бартевева «Письмо к издателю „Русского архива“ князя П. А. Вяземского» (Русский архив. 1876. № 2. С. 248—262), а также ряд других публикаций, свидетельствующих об интересе Жуковского к судьбам осужденных самодержавием декабристов и его попытках помощи им путем воздействия на членов императорской фамилии: Письма В. А. Жуковского к государыне императрице Александре Федоровне // Русский архив. 1874. № 1. С. 56—62; Письма В. А. Жуковского к А. Ф. фон-дер Бриггену, 1845—1849 // Там же. 1867. № 5. С. 843—862; Русская старина. 1892. № 4. С. 177—178.

²⁰ Тарасов Е. И. Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Самара, 1923. С. 399—447; Модзалевский Б. Л. Жуковский и братья Тургеневы // Декабристы. М., 1925. С. 149—154.

²¹ Характерно, что в известном библиографическом указателе «Движение декабристов» под редакцией М. В. Нечкиной (М., 1960. С. 302) зарегистрировано лишь два небольших сообщения о посещениях Жуковским Кургана в 1837 г.: Свободин А. Первая колония декабристов в Кургане. Очерк // На земле курганской. Курган, 1956. № 4. С. 273—286; Репин М. Декабристы и Жуковский в Кургане // Челябинский рабочий. 1940. 19 ноября.

²² См.: Курочкин Ю. Уральский «вояж» поэта // Курочкин Ю. Уральские находки. Свердловск, 1982. С. 177—267; Иезуитова Р. В. Жуковский и декабристы // Огонек. 1983. № 6. С. 19—20. См. также материалы о Жуковском и Н. И. Тургеневе, появившиеся в связи со 150-летием декабрьского восстания 1825 г.: Ланской Н. Из эпистолярного наследия декабристов (письма Н. И. Тургенева к В. А. Жуковскому) // Вопросы литературы. 1975. № 11. С. 207—226; Тарасова В. М. Новое о декабристе Николае Тургеневе // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 275—281.

XIX в., которое испытало на себе мощное влияние декабристских идей. Современный уровень научных знаний позволяет по-новому взглянуть на взаимоотношения Жуковского и декабристов, а также продолжить дальнейшую разыскательскую работу по этой проблематике. Не претендуя на освещение проблемы в полном ее объеме, автор во второй главе книги (названной «Жуковский и декабризм») делает попытку обновить подходы к ней, наметить пути комплексного ее решения, а именно рассмотреть некоторые эпизоды биографии и творчества Жуковского в контексте современного ему широкого идеологического и общественно-политического движения, каким являлся для первой половины XIX в. декабризм. Обычно вопрос о взаимоотношениях поэта с декабристами рассматривается только в узкобиографическом плане, в плане его личных контактов с теми или иными из деятелей тайного общества; в нашей же работе предпринята попытка увязать эти взаимоотношения с общими процессами русской жизни 1810—1830-х годов, с творческой эволюцией Жуковского.

Последняя, третья глава книги продолжает исследование общей проблемы «Жуковский и его время» на уровне его взаимоотношений (личных и творческих) с самым известным, самым выдающимся его современником — с Пушкиным. В центре внимания важные, но оказавшиеся вне поля зрения современных исследователей стороны этих взаимоотношений, существенно влиявшие на сферу творческой жизни и Жуковского, и Пушкина.

Теме «Жуковский и Пушкин» посвящено множество специальных исследований, среди которых и такие классические труды, как «Пушкин и русские романтики» Г. А. Гуковского, статьи М. А. Цявловского, И. Р. Эйгеса, Ц. С. Вольпе, работы Л. С. Сидякова, М. И. Гиллельсона, О. Б. Лебедевой, В. М. Костина и др.²³ Однако обобщающей монографии, в которой бы прослеживалась вся история взаимоотношений Жуковского и Пушкина, пока не создано. Автор

²³ См.: Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 46—148; Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 105—130; Вольпе Ц. С. Жуковский // Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1939. Т. 1. С. XX, XXVII—XXXII, XXXIV—XXXVI, XXXVIII—XL и др.; Эйгес И. Пушкин и Жуковский // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. 193—216; Семенко И. М. Пушкин и Жуковский // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1964. № 4. С. 118—130; Гиллельсон М. И. Пушкин в дневнике А. И. Тургенева 1831—1834 годов // Русская литература. 1964. № 1. С. 125—136; Сидяков Л. С. 1) Пушкин и Жуковский (у истоков биографизма пушкинской лирики) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43, № 3. С. 195—203; 2) Жизнь писателя в литературном сознании первых десятилетий XIX века (Жуковский и Пушкин) // Пушкин и русская литература. Рига, 1986. С. 77—87; Лебедева О. Б. Жанровое своеобразие драматического отрывка Жуковского «Камозэн» (Жуковский и Пушкин) // Проблемы литературных жанров. Томск, 1983. С. 167—169; Костин В. М. Жуковский и Пушкин (восприятие английской литературы и становление жанра русской романтической поэмы). Автореф. канд. дис. Томск, 1984; Григорьян К. Н. Жуковский и Пушкин (к эволюции русской элегии) // На путях к романтизму. Л., 1984. С. 172—193; Скачкова [Березкина] С. В. Из истории русской литературной сказки // Русская литература. 1984. № 4. С. 120—128.

настоящей работы также не ставит перед собой подобную задачу. Вопрос о взаимоотношениях Жуковского и Пушкина рассматривается здесь не в хронологической последовательности (хотя этот принцип постоянно учитывается), а с точки зрения важных тенденций в литературном развитии 1810—1830-х годов, в которых в наибольшей степени проявлялась их близость. Не ставя своей целью обобщение всего сделанного в этой области литературоведения, автор и в данном случае отдает предпочтение проблемам, не привлекавшим внимания исследователей или получившим, с его точки зрения, неверное освещение в современных работах.

«Наставничество» как особая форма литературного общения Жуковского и Пушкина позволяет, по мнению автора книги, ощутить своеобразие их взаимоотношений, дает своего рода «ключи» к пониманию их переписки, объясняет поведение каждого из них в тех острокритических ситуациях, в которые ставила их российская действительность 1810—1830-х годов. Этой проблеме посвящен первый раздел третьей главы.

Раздел второй, «Шутливые жанры в поэзии Жуковского и Пушкина 1810-х годов», возвращая нас к самому началу взаимоотношений обоих поэтов, переводит разговор в план собственно творческий. В центре внимания автора такие стороны деятельности Жуковского-поэта, которые не находили места в современных концепциях его творческого развития, выпадали из поля зрения исследователей русского романтизма. Между тем обращение к жанрам поэтической юмористики позволяет наметить еще одну линию в творческих взаимоотношениях «учителя» и «ученика», объясняет некоторые особенности восприятия молодым Пушкиным образа его наставника.

Особой областью общих творческих устремлений Жуковского и Пушкина была художественно-документальная и мемуарная проза. Два специальных раздела третьей главы — «Пушкин в дневниках Жуковского 1830-х годов» и «Жанр устного рассказа в творчестве Жуковского и Пушкина 1830-х годов» — выявляют в творчестве Жуковского потенции художественного документализма, столь характерного для зрелого Пушкина, но, казалось бы, совершенно чуждого методу поэта-романтика.

1837 год — одна из самых трагических дат русской культуры — хронологически завершает наиболее существенный и значимый этап общественно-литературной деятельности Жуковского. Начиная с первых своих выступлений в печати он был в течение четырех десятилетий выразителем высоких гуманистических идеалов и благородных устремлений своего времени.

Таковы в общих чертах замысел и структура данной книги. В пределах избранной для нее проблематики автор стремился наметить некоторые новые подходы к творческому наследию Жуковского, обогатить его рассмотрение более широким кругом источников, привлекая к исследованию архивные материалы самого разнообразного свойства. Для выявления новых документов была проведена широкая, «фронтальная» проверка фондов Жуковского и близких ему современников в наиболее значительных архивохранилищах

Ленинграда (ИРЛИ, ГПБ, ЦГИА) и Москвы (ГБЛ, ЦГАДА, ЦГАЛИ) и др. К исследованию привлечены и материалы личной библиотеки Жуковского, хранящейся в ИРЛИ и в библиотеке Томского государственного университета.

Все ссылки на произведения Жуковского даются по изданию: *Жуковский В. А. Собрание сочинений*: В 4 т. М., 1959—1960. При цитатах в тексте в скобках указываются том (римская цифра) и страница (арабская цифра). Случаи обращения к другим изданиям сочинений Жуковского каждый раз специально оговариваются.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая. ЖУКОВСКИЙ И РОМАНТИЗМ	18
1. На рубеже веков (основные тенденции общественно-исторического развития России конца XVIII—начала XIX в.)	18
2. На подступах к романтизму. Традиции XVIII в. в раннем творчестве Жуковского	33
3. Жанровые искания Жуковского. Школа «гармонической точности»	61
4. Жуковский и русская романтическая баллада	83
5. Жуковский и проблема народности	101
6. Проблема романтического историзма и работа Жуковского над переводом «Слова о полку Игореве»	120
Глава вторая. ЖУКОВСКИЙ И ДЕКАБРИЗМ	133
1. Жуковский и Отечественная война 1812 г.	135
2. Жуковский и деятели тайных обществ	159
Глава третья. ЖУКОВСКИЙ И ПУШКИН	193
1. К проблеме литературного наставничества	194
2. Шутливые жанры в поэзии Жуковского и Пушкина 1810-х годов	207
3. Пушкин в дневниках Жуковского 1830-х годов	238
4. Жанр устного рассказа в творчестве Жуковского и Пушкина 1830-х годов	254
5. Жуковский о дуэли и смерти Пушкина	270
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	279
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	282

Научное издание

Раиса Владимировна Незутова
ЖУКОВСКИЙ И ЕГО ВРЕМЯ

Утверждено к печати

Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор издательства Н. А. Храмцова. Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Н. Ф. Соколова
Корректоры Л. Я. Комм и Г. И. Тимошенко

ИБ № 44006

Сдано в набор 23.01.89. Подписано к печати 05.09.89. М-25015. Формат 60×90^{1/16}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18+0.12 вкл. Усл. кр.-от. 18.06. Уч.-изд. л. 21.86. Тираж 3100. Тип. зак. № 1231. Цена 2 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Ленинградское отделение
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 лин., 12